

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ КАК «ЗАХВАТ МИРА ПОЛИТИКИ» И ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУРСУ

А.В. Лубский

*доктор философских наук,
кандидат исторических наук, профессор,
Южный федеральный университет*

В рецензии на книгу В.П. Макаренко «Политическая концептология: обзор повестки дня» (М.: Праксис, 2005) мы посчитали необходимым подчеркнуть, что современная политическая концептология претендует на то, чтобы стать новой наукой о политике [3]. Семантически политическая концептология – это наука о политических концептах, поэтому содержание предметной области этой науки зависит от понимания того, что такое политический концепт.

При наличии различных подходов к пониманию того, что такое концепт вообще, в настоящее время достигнуто относительное согласие: концепт – это ментальное образование, функционирующее в различных областях общественного сознания (в научном, философском, религиозном, идеологическом, быденном), которым соответствуют определенные типы дискурса. Поэтому предметом политической концептологии, с одной стороны, могут быть политические концепты, сложившиеся в сфере повседневности и имеющие как понятийное, так и образное, ценностное, поведенческое, этимологическое и культурное «измерения» [1]. С другой стороны, предметом политической концептологии могут выступать политические концепты, сложившиеся в научном дискурсе.

В научном дискурсе политические концепты – это теоретические конструкции, наполненные аксиологическим содержанием. В структуре этих политических концептов можно выделить такие компоненты, как: 1) понятийный, отражающий его признаковую и дефиниционную структуру, 2) ассоциативный, выраженный в форме образно-метафорических коннотаций либо прецедентных связей. В научных политических концептах безличные и объективистские понятия авторизуются в процессе производства личностно-ориентированного научного знания о политической реальности.

В современной политической эпистемологии присутствуют две тенденции. Первая тенденция – рассудочно-социологическая – связана с построением по-

литической эпистемологии как «строгой науки», стремящейся представить субъектно-объектные отношения в жестких абстракциях, где господствует анонимный гнет понятий, демонстративность научной мысли и технократизм. Вторая тенденция – экзистенциально-антропологическая – обусловлена стремлением не только сохранить субъект политологического познания, но и представить его в теории познания как целостность, в единстве мышления, чувствования и деятельности, ориентированную на интеллектуализм и эвристичность [6].

В рамках второй тенденции идет становление такого типа ученого, который способен быть субъектным в производстве новых научных знаний о политической реальности. Эта субъектность проявляется в свободе научного творчества, которая выражается в том, что ученый, преодолевая «методологический прессинг» путем самоутверждения и самоактуализации, становится «автономным исследователем» и присваивает себе право выбирать методологические основания своей профессиональной деятельности и создавать личностно-ориентированные картины изучаемой политической реальности. Такой автономный ученый не только воспринимает профессиональную научно-исследовательскую культуру, но и противостоит ей, ставя себя по отношению к ней в позицию «внеаходимости». Его научная деятельность начинает носить проектно-конструктивный характер, а изучаемая политическая реальность становится такой, какой ее определяет сам исследователь.

В результате в современной политической науке сложилась ситуация, которая характеризуется переходом от монистической интерпретации политической реальности к плюралистической. В рамках этого перехода формируется новый тип методологического сознания, который базируется на следующих эпистемологических предпосылках:

1. О политической реальности можно говорить на разных языках, в контексте различных теорий, с учетом различных политических перспектив. Поэтому одни исследователи предпочитают рассуждать о политической реальности, опираясь на традиции классической политической науки, которая видит свою цель в открытии объективных законов, действующих в «мире политики». Другие, относясь скептически к такой эвристической претензии, считают, что хотя и «существует особая профессия, называемая политологией, никакой более или менее полной и систематизированной науки о законах политической деятельности не существует. Этому есть объяснение. Если бы такая наука была создана и стала общедоступной, то она выглядела бы в глазах обывателей как нечто аморальное, циничное, преступное, а люди в сфере политики выглядели бы как негодяи, лжецы, насильники, изверги» (А.А. Зиновьев). Третьи исследователи, выводя современную политическую науку за пределы классического детерминизма, формулирующего свои «непреложные закономерности» и предопределенные финалы, предпочитают говорить о политической реальности с позиций теории игр. По их мнению, «основной вопрос политической теории, касающийся самих условий существования политики имеет две стороны, одна указывает

на то, какие условия требуются, чтобы политическая игра велась активно, сохраняла смысл и привлекала интерес, другая – на то, какие условия требуются для проведения ее в цивилизованных рамках». Поэтому они предлагают интерпретировать «мир политики» с точки зрения интересов и ценностей: выяснить пружины «реальной политики» – значит выявить стоящие за ней интересы и, следовательно, средства достижения консенсуса по поводу этих интересов. (А.С. Панарин).

2. Научное исследование, протекающее в определенных социокультурных и политических условиях, обусловлено стилем мышления сообщества, к которому принадлежит ученый, а политические знания как результат исследования всегда контекстуальны и индексикальны, поскольку они обусловлены культурно-эпистемологическим контекстом и отмечены индексом когнитивного схематизма, на основе которого они транслируются. Между ученым и «миром политики», который он изучает, всегда лежат тексты, содержание которых исследователь подвергает интерпретации, чтобы понять их смысл. В этом плане умственными занятиями, направленными на выяснение того, кто лучше или глубже понимает тот или иной политический текст, выглядят бесперспективными, ибо понимание – это интерпретация, а любая интерпретация контекстуальна, гипертекст которой – сама политическая культура. Интерпретации текстов не сравниваются, они утверждаются, опираясь на научный авторитет или венаучную инстанцию. Поэтому политическая реальность как внешний для исследователя «мир политики» сам по себе не дает никаких гарантий адекватности политологического знания. Исследователь, веря в целесообразность (или смыслообразность) «мира политики», создает картину политической реальности в виде системы когерентных понятий, логически непротиворечивых умозаключений и ценностных утверждений так, что, будучи поставленной на место реального «мира политики», эта картина посылает такие же личные его «послания», как и сам политический мир.

3. Научные знания как репрезентации «мира политики» не являются его «репродукциями», «отражениями», поскольку эти репрезентации несут на себе «почерк» познающего. Поэтому научные знания, зависимые от контекста и перспективы, имеют статус когнитивных конструкций, они концептуально относительны, их нельзя априори защитить от скептических возражений. Исследователь, создавший научную картину «мира политики», может утверждать, не опасаясь фактических опровержений, что он в действительности познал некую сторону политической реальности, хотя это утверждение не может быть никогда прямо доказано.

Таким образом, реальный «мир политики» встречает ученых в разных ипостасях, которые они выбирают для конкретной научной «встречи». Результатом этой встречи является многообразие картин политической реальности, совокупность которых представляет собой книгу о «мире политики», пишущуюся и дописывающуюся вновь и вновь различным образом в языках тех или иных поли-

тических культур и научных сообществ. В результате политическая наука превращается в мультипарадигмальную дисциплину, «ярмарку идей», когнитивное поле многообразных мнений и интертекстуальных «языковых игр», в ходе которых «мир политики» растворился во множестве научных дискурсов, тропов и смысловых миров.

В такой эпистемологической ситуации складываются две версии политической концептологии. В рамках одной из них политическая концептология, перефразируя высказывание С.С. Неретиной [7], представляет собой эксперименты с разными политическими концептами. В этих экспериментах концепты-тексты, показывая полное изменение конфигурации «мира политики», выступают одновременно интенцией смыслопорождающей деятельности, результат которой – «умные мысли» политических концептологов. Данная версия политической концептологии тесно связана с тем вариантом аналитической политической философии, предметом которой выступает не сама политическая реальность, а концептуальные высказывания о ней.

Другая версия политической концептологии представлена работами В.П. Макаренко, деконструкция текстов которого и рефлексия по поводу методологических оснований его когнитивных практик позволяют выяснить, что является предметом данной версии политической концептологии, каковы ее методологические средства и когнитивная стратегия, а также роль ученого в получении нового знания.

Политическая концептология у В.П. Макаренко носит трансдисциплинарный характер, ее предметом выступает «осмысленная политическая реальность», являющаяся результатом научных исследований в философии, политической экономии, социологии, политологии, юриспруденции и историографии. Трансдисциплинарный характер политической концептологии ко многому обязывает, предполагая, с одной стороны, энциклопедичность и метатеоретичность, а с другой – ответственность и вовлеченность ученого в предмет исследования, ибо он берет на себя обязанность не только теоретически обобщать все то, что сделано в различных областях научного знания, но и выразить свое личностное отношение к существующим политическим теориям и реальной политической проблематике.

В этом плане политическая концептология В.П. Макаренко тесно связана с политической философией, которая трактуется в рамках классического подхода как политическая метанаука, а в рамках неклассического – индивидуально-личностное, ценностное отношение к политической действительности [2]. Автор синтезирует оба эти подхода: его мысль движется, с одной стороны, по магистральным траекториям, проложенным абстрактным мышлением и понятиями, замечая только общее, не удостоивая внимания деталям, а с другой – по случайным траекториям, ее доминирующей чертой становится ассоциативность. Поэтому движение мысли в текстах В.П. Макаренко определяется не только от-

несением ее к некоему фундаментальному понятию, но и обращением к ценностям, из которых исходит мыслящий субъект.

Таким образом, политическая концептология В.П. Макаренко – это не только движение в логике понятий, но и нормативность мышления, в центре которого находятся теоретические и практические проблемы реальной политики. Вместе с тем В.П. Макаренко пытается выяснить не только то, «как есть» в политической реальности, но и то, «как должно быть». Тем самым автор стремится поставить эту реальность под свой контроль. В связи с этим политическая концептология у В.П. Макаренко – это и обобщение теоретического знания, полученного в различных областях научного знания, и аксиологическое отношение к конкретной политической действительности, и нормативный ее контроль.

Разработка проблем политической концептологии, как считает В.П. Макаренко, предполагает максимальное дистанцирование исследователя от политической конъюнктуры и всего корпуса социальных знаний, поскольку в них воплощены познавательные и политические установки традиционализма, эконо­ми­ко­цен­тризма, кратоцентризма и идеократии в локальном, региональном и мировом измерениях. Кроме того, рассматривая проблемы политической концептологии, В.П. Макаренко полагает, что в науке не существует инвариантных базисных истин и единых критериев научности для всех субъектов политического познания. В связи с этим изучение политической реальности на основе, например, парадигмы интересов или парадигмы ценностей всегда остается односторонним, и поэтому дискуссионным.

Основой политической концептологии В.П. Макаренко является также та версия аналитической политической философии, которая отличается утонченностью теоретических построений и критическим отношением к политической действительности. Эта версия представляет собой продолжение дискурса Просвещения и классической рациональности, в которой *cogito* правит бал. Однако у автора разум не только указывает путь к истине, но и реализуется в индивидуально-личностном отношении к политической действительности. В связи с этим аналитическая политическая философия – это нормативное мышление о социальных и политических институтах, необходимых для политической деятельности, а также систематизация когнитивных и социокультурных барьеров рациональной критики и преобразования этих институтов. Главными сферами исследования в русле такой философии выступают политическое благо и политический выбор, для анализа которых применяются универсальный персонализм и ценностный солипсизм. Теория блага, отмечает В.П. Макаренко, есть комплекс объективных требований, которым должны удовлетворять политические ценности. Теория выбора включает принципы классификации подходов к установлению политических институтов. Персонализм позволяет изучать зависимость индивидуального блага (зла) от политических институтов – при одновременном отрицании приоритета общих интересов (народов, обществ, государств, культур) над индивидуальными интересами.

Политическая концептология В.П. Макаренко – это стремление к целостному теоретическому и аксиологическому восприятию и воспроизводству политической реальности, основанное на логике восхождения от понятия к проблеме, а от проблемы к факту. Занимаясь концептуализацией политической реальности, исследователь вначале выясняет, как интерпретируются основные понятия представителями различных научных направлений. В связи с этим он переходит к другой версии аналитической философии, предметом которой выступают концептуальные высказывания о политической реальности, что собственно и превращает политическую концептологию в науку о политических концептах. Однако затем исследователь идет дальше: он уточняет эти понятия и на их основе дает строгую систематизацию возникающих проблем, стоящих на «повестке дня».

Когнитивная стратегия разработки проблем политической концептологии у В.П. Макаренко базируется на осмотрительном и неторопливом синтезе множества конкретных идей и проблем, связанных с философскими, экономическими, социологическими, политологическими, правовыми и историческими аспектами изучения политической реальности. При этом мысль его движется первоначально по магистральным траекториям, проложенным абстрактным мышлением и рассудочной деятельностью. Однако авторский стиль нормативного мышления и стремление исследователя поставить политическую реальность под свой контроль постепенно усиливают мотивы неклассической рациональности, в которой движение мысли определяется не отнесением ее к некоему фундаментальному понятию, а обращением к ценностям, из которых исходит мыслящий субъект. Такое «участное мышление» приобретает последовательно аксиологическую природу, обнаруживая авторскую оригинальность и проявляясь в языке, в котором научный академизм сочетается с ироничностью и метафоричностью.

В этом плане можно обнаружить определенную метафорическую связь между политологической концептологией В.П. Макаренко и некоторыми идеями-образами, содержащимися в работах М.К. Петрова. В первую очередь, это – образ «захвата», в контексте которого политический концептолог – это «пират», одержимый страстью «захватить» охвативший его «мир политики». Его мечта – не столько объяснить и изменить этот мир, сколько осветить и освятить его своим пониманием, ибо он верует в то, что говорит, поскольку понимает предмет политического разговора.

Вместе с тем политическая концептология у В.П. Макаренко – это не только «захват» мира политики, но и приглашение к научному дискурсу, который приобретает последовательно тропологическое измерение. Это придает тропологическому дискурсу смысл, даже вопреки некоторым фактическим неточностям, которые он может содержать, и логическим противоречиям, которые могут ослаблять его доказательства. В пространстве тропологического дискурса В.П. Макаренко придерживается трех риторических стратегий – метафориче-

ской, метонимической и иронической, что придает его текстам не только синкретическую целостность, но и образность описаний. Метафорическая стратегия позволяет исследователю быть как бы «сторонним наблюдателем», метонимическая – демонстрировать позицию современника, ироническая – позволяет «отстранить» описываемую политическую реальность через комическое «снижение».

В политической концептологии понятие метафоры приобретает новое значение: из риторического тропа она превращается в эффективное познавательное средство. Метафора выступает не только посредником между субъектом и предметом познания, но и способом передачи информации в политологическом дискурсе. Метафора – это не иллюстрация эмпирических фактов, а визуальный образ отвлеченных теоретических связей. Она представляет собой единство познания и эмоций, видения и суждения, инсайта и интуиции. Являясь моделирующей идеей метафора нацеливает исследователя на восприятие политической реальности как целостности. Метонимия в политической концептологии представляет собой текст как отражение политической реальности с позиций заинтересованного наблюдателя. Ирония – это стилизация и пародия другого текста.

Открытие метафоры, метонимии и иронии как познавательных средств в политической концептологии явилось результатом нарастающего понимания неизбежной условности, неточности, неполноты научного познания «мира политики». Все больше стали очерчиваться границы разрыва между научным знанием о «мире политики» и самим «политическим миром». Разрыва, не только трагичного, но и плодотворного, ибо в пространстве этого разрыва и в контексте постоянных стремлений его преодолеть, исследователь порождает свой собственный политический мир как мир языка политической культуры и свободы.

В текстах В.П. Макаренко метафора, метонимия и ирония выступают средством создания таких образов и связей между ними, способных служить знаками политической реальности, которую можно лишь вообразить, а не воспринять непосредственно (например, «дрянь в законе», «суверенитет и добрые дяди», «вечные воры», «федеральное самоубийство», «притон и богадельня», «политический Христос», «юридический Геракл», «трепетный синдром аполитичности», «сомнительная неизбежность», «свобода и грязное дело», «счастливые рабы и граждане», «ложь и самообожествление», «компромисс и компромат», «природа властной импотенции», «социальный оккупант», «паразиты и стоики» и др.).

Методологической основой политической концептологии В.П. Макаренко составляет синтез двух подходов – рассудочно-социологического и нормативно-антропологического. Это открывает большие эпистемологические перспективы в условиях «барахтанья» российской интеллектуальной мысли в оставшемся после марксизма море политических мифологем. Такого рода политическая концептология возможна лишь в рамках неоклассической модели научного

исследования, в рамках которой преодолеваются традиционные подходы к изучению политической реальности (социально-экономический, идеократический, кратоцентрический и пр.). В русле этих одномерных подходов акцентируется внимание на какой-то, хотя и важной, но одной стороне политической реальности, поэтому эти подходы являются односторонними.

В целом политическая концептология В.П. Макаренко – это попытка нового «захвата» мира политики, основанная на неоклассических принципах научного исследования. Опираясь на эти принципы, автор создает многомерную дискурсивную модель актуальной политической реальности, базовыми понятиями которой выступают власть, свобода, суверенитет, равенство, право, легальность, легитимность, права человека, собственность, демократия. При этом В.П. Макаренко делает ряд эпатажных выводов: 1) участие в политике необходимо, но эффективность такого участия, а также классическая теория демократии, основанная на идее сознательного избирателя, становятся все более сомнительными; 2) провал рациональных проектов политики обнаружил ее абсурдность, связанную с угасанием в ней рационального начала и превращением политической реальности в мир реализованного (или нереализованного) абсурда. В связи с этим судьбы людей, как подчеркивает автор, не должны зависеть от бытия государств. Политические институты должны соответствовать благу индивидов, а не наоборот. Равенство – главная ценность современности. Смысл политических институтов определяется их ценностью для индивидов и не являются надындивидуальными. Социальные привилегии индивидов не являются политической нормой. Государство не является политическим благом. Политическое благо – это применение принципа равенства в политической жизни.

Нормативно-оценочный солипсизм, по версии В.П. Макаренко, означает, что любая ценность может быть главной политической ценностью и критерием политической оценки. При этом автор выделяет внесоциальные (благосостояние, счастье, польза, негативная и позитивная свобода), социальные (культурная гармония, социальный порядок, политическая стабильность, правопорядок) и промежуточные (активное и пассивное равенство) ценности. Внесоциальные ценности – главные политические блага, критерии политической оценки и основа политических дискуссий. В этом плане демократия и правопорядок являются ценностями лишь в той мере, в которой культивируют внесоциальные ценности. Отсюда, полагает В.П. Макаренко, вытекают важные следствия: свойства индивида являются главным критерием политических ценностей; взаимная изоляция индивидов – это социальная и политическая норма; политика – доказательство большей ценности политических решений по сравнению с бытием индивидов; при отсутствии доказательств политика превращается в сферу абсурда; социальные и промежуточные ценности надо отделить от государства и других политических институтов.

Государство, полагает В.П. Макаренко, обязано соблюдать ценности во всех смыслах слова. Однако конфликт между ними не преодолен ни в одном государстве мира. Все государства пренебрегают ценностями при установлении подзаконных актов и реализации политики. Поэтому административно-распорядительная деятельность государств есть сфера абсурда. Под таким углом зрения надо рассматривать все политические взгляды, доктрины, теории и институты.

В.П. Макаренко считает, что понятия привлекательности, оптимальности, общего блага, политической конкуренции, демократии позволяют описать возможности реализации выбора в разных социальных и политических системах, а также синтезировать результаты философского и экономического анализа политики и отвергнуть либеральную концепцию индивидуального выбора. Реализация выбора, по мнению В.П. Макаренко, предполагает постоянство этических норм, аналитическую дистанцию между целями и предметами выбора, отрицание этического идеализма. Понятия горизонтальной справедливости и несправедливости описывают следующие явления: несправедливость всех налоговых систем и налоговой политики; нежелательные последствия всех политических действий и институтов, функционирующих на основе индивидуального выбора; все политические решения не являются лучшими из возможных; политика – это лавка старьевщика, своего рода склад утильсырья, для изучения которого разработан теория подержанных вещей.

Рынок, утверждает В.П. Макаренко, не является критерием истинности социальных теорий. Политические и экономические институты развивают социальный паразитизм. Рынок смешивает вкусы, желания, выборы и ценности. Функционирование рынка базируется на посылке: в каждом его звене оптимально сочетаются противоположные склонности людей. Тем самым рынок культивирует этический нигилизм. В рыночном обществе ни один индивид не может максимально реализовать собственные ценности по причине аналогичных стремлений других индивидов. Польза – частное правило человеческого поведения. Если польза считается главной социальной ценностью, то большинство общества предпочитает стабильность, твердую власть, неравенство, несправедливость и мошенничество вместо свободы. При таких условиях общий выбор порождает множество непредвиденных последствий.

Претензии любых правительств на выражение общего блага В.П. Макаренко называет просвещенным деспотизмом, противостоящим индивидуальным мотивациям и социальным институтам. Политические институты демократии отвергают этику при принятии решений. Поэтому недостатки рынка отражаются в недостатках государственной политики. Общее благо недостижимо ни посредством рынка, ни с помощью государства.

Демократия, как считает В.П. Макаренко, – это запрограммированная инерция политических процессов и институтов. Выборы порождают проблему нестабильного большинства, для решения которой надо ограничить индивиду-

альные политические выборы. Нестабильность – следствие демократических процедур, при которых избиратели голосуют за бесполезные и вредные для общества политические решения. Принцип большинства и ссылка на общие интересы населения в избирательных кампаниях потеряли смысл. Демократия не решает проблему общего блага. Вмешательство государства в рыночные процессы есть следствие неэффективности рынка и обостряет проблему реализации выбора. Если экономика становится элементом политики, всю совокупность решений в сфере экономической политики надо анализировать с помощью описательной, а не нормативной модели политики.

Для устранения этих явлений политика, по мнению В.П. Макаренко, должна приобрести совещательный характер. Политика как сфера свободной публичной критики предполагает независимость населения от групп интересов и политических партий. Но механизмов культивирования такой независимости не существует. Электоральные кампании отличаются случайностью и произволом. Принцип большинства ведет к порочному кругу и исключает общий выбор. Способы решения этой дилеммы (процедура голосования, последовательность индивидуальных политических выборов, структура политических институтов) уменьшают, но не исключают вероятность порочного круга.

Для реализации политического выбора, считает В.П. Макаренко, необходимо согласие граждан по вопросам единства нации, общеобязательности политического выбора и отражения в нем индивидуальных выборов. Такое согласие в принципе невозможно, поскольку оно предполагает унификацию мнений по проблемам, относительно каждой из которых существуют взаимоисключающие теории, политические институты демократии не отражают индивидуальные выборы. Отсюда вытекает конфликт намерений и результатов политических действий. Он существует при любых формах государства. Демократия не может преодолеть бюрократизацию организационных структур, иллюзию доверенного исполнителя, институциональные интересы и бюрократическую модель вневедомственных соглашений. Логика организационных структур противоречит демократии [4].

В целом В.П. Макаренко рассматривает политику как пространственно-временное поле действия множества свободных субъектов по решению проблемы свободы. Поэтому в такой политике, по его мнению, рациональное доверие было и остается фундаментальной проблемой.

Стремясь к синкретическому воспроизводству политической реальности, В.П. Макаренко предлагает оригинальную ее концепцию, представляющую собой ряд логически непротиворечивых утверждений, в основе которых лежат три взаимосвязанных концепта: государственный аппарат, политическая оппозиция, легитимность [5].

Опираясь на идеи П. Бурдые и Ф. Броделя, автор рассматривает государственный аппарат, с одной стороны, как атрибут «естественного состояния общества», с другой – в качестве «социального паразита». Государственный

аппарат как «социальный паразит» – это суперкласс «власти-собственников» и «власти-идеологов», осуществляющий социальное, экономическое, идеологическое и духовное господство. Политическая оппозиция как социальный институт представлена организациями, выражающими интересы и ценностные ориентации различных политических сил, стремящихся «перехватить» власть. Легитимность трактуется как «степень согласия граждан с аргументами политических организаций и политического доверия к ним». В этом плане политическая легитимность всегда является частичной.

Концепты «государственный аппарат», «политическая оппозиция» и «легитимность» рассматриваются В.П. Макаренко как три ипостаси единичности политической реальности. Государственный аппарат и политическая оппозиция как противоположности, находящиеся в состоянии перманентного конфликта, разрывают политическое пространство, ибо цель бюрократии – удержать власть, а цель оппозиции – передать власть. Легитимность синкретизирует политическую реальность, способствуя или удержанию власти, или ее передаче.

Когнитивной основой такой концепции политической реальности выступает тринитарное мышление, в русле которого выделяются не только два противоположных элемента, но и третий, разрешающий противоречие между противоположностями путем усиления одной из них, давая перевес одному из противоположных элементов. Поэтому «мир политики» у В.П. Макаренко сводится не к дуальным сущностям-антагонизмам, выражающим какую-либо борьбу противоположностей, например, классов, а к трем силам, две из которых – государственный аппарат (государственной бюрократии) и политическая оппозиция – находятся в противоборстве, а третья сила – легитимность – определяет результат этого противоборства. Логика тринитарного мышления собственно и состоит в том, чтобы найти и привлечь «третью силу» при явном противоборстве двух сторон: легитимная бюрократия всегда подавляет политическую оппозицию, легитимация политической оппозиции ведет к смене власти.

Конституционализация любой научной дисциплины определяются степенью оформленности ее категориального аппарата как системы базовых понятий. В рамках политической концептологии, основанной на логике восхождения от понятия к проблеме, а от проблемы к факту, аналитический подход к политической теории позволил В.П. Макаренко уточнить основные понятия политической концептологии и дать систематизацию ее актуальных проблем, стоящих «на повестке дня». Однако необходим следующий этап – эмпирическая проверка всех сформулированных положений в контексте политической истории и современной политики. Но для этого автору придется пересмотреть существующие концепции прикладной политической науки, поскольку они в значительной мере зависят от политической конъюнктуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воркачев С.Г.* Методологические основания лингвоконцептологии //
2. *Лубский А.В.* Методологические проблемы политической философии (вместо предисловия) // Макаренко В.П. Политическая философия. Ростов-на-Дону, 1992.
3. *Лубский А.В.* Политическая концептология – новая наука о политике // www.polittheory.narod.ru/Lubskiy/Lubskiy_review.doc.
4. *Макаренко В.П.* Политическая концептология: обзор повестки дня. М., 2005.
5. *Макаренко В.П.* Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблемы легитимности. СПб., 1996.
6. *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы. М., 2002.
7. *Неретина С.С.* Тропы и концепты. М., 2004.
8. *Теоретическая и прикладная лингвистика.* Вып. 3. Воронеж, 2002.